

АПРИОРИЗМ КАНТА И ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО МИРА

Проблема роста знания, его превращения в научное познание, т. е. формирование теоретического мира — узловая эпистемологическая проблема, конденсирующая интерес философов начиная с Платона и Аристотеля вплоть до современности. Кёнигсбергскому мыслителю в этом ряду принадлежит выдающееся место, ибо именно с его великой «Критикой» связан тот концептуальный сдвиг проблемы, который он сам охарактеризовал как коперниканский переворот в философии. Главным, определяющим в этой революции была разработанная Кантом доктрина априоризма, явившаяся необходимым, но вместе с тем и исторически преходящим моментом в обосновании статуса теоретического мира.

Принципиальная особенность теоретического знания состоит в том, что его объекты, идеальные и абстрактные конструкты, большей частью не имеют непосредственных референтов в материальной действительности. Поэтому обоснование их существования заключается, в сущности, в определении способов их введения, путей формирования теоретического мира, как дополнительным к практической проверке и практическому обоснованию.

Наиболее наглядно специфика теоретических конструктов выступает в математике. С этим связано то, что структура математических теорий подсказала один из влиятельных подходов к пониманию познания, развитый в новое время Декартом и Лейбницем. Отправляясь от того факта, что истинность теорем в математике, в частности, в геометрии, выводится из аксиом, а последние принимаются без доказательств, как считалось, в силу их самоочевидности, Декарт и Лейбниц распространили эту версию аксиоматического метода на гносеологию, что привело их к нативизму, признанию врожденного характера самоочевидных истин, из которых дедуктивным путем выводится все остальное содержание познания.

В то же время в рамках английского эмпиризма, представленного работами Бэкона и Локка, было показано, что знание о мире мы получаем из опыта и оно является поэтому в своем исходном виде фактуальным знанием. Однако проблема формирования теоретического мира не могла быть решена на пути индуктивного обоснования знания, поскольку единичные утверждения, например, сообщения о результатах наблюдений и экспериментов, не позволяют перейти к всеобщим утверждениям типа теорий и гипотез. Познательный опыт всегда ограничен и случаен, а знание, полученное в результате неполной индукции, будет носить лишь вероятностный характер. Такой вывод

был сделан Юмом, который тем самым фактически отказал знанию в статусе теоретичности.

Хотя попытки обоснования знания путем его выведения как из эмпирического начала, так и из интеллигибельного не увенчались успехом, они привели в формулированию ряда гносеологических положений, послуживших толчком к новому, критическому этапу развития теории познания. К таким позитивным результатам Кант отнес утверждение английского скептика о конечности и неполноте познавательного опыта. Но одновременно кенигсбергский философ фиксирует наличие факта, данному общему правилу противоречащего: мы располагаем необходимым и всеобщим знанием в математике и естествознании. Осмысление данного противоречия служит исходным моментом развертывания всей гносеологической концепции Канта. Более того, в последующих «Критиках» применяется по существу тот же методологический прием — столкновение универсального утверждения с противоречащим ему фактом. Идентичным оказывается и механизм разрешения обнаруженных противоречий. В этом смысле «Критика чистого разума» является моделью построения и развертывания всех составных частей критической философии.

Из опыта мы узнаем, говорит Кант, те или иные свойства объекта, но не узнаем при этом то, что он не может быть иным. Следовательно, необходимости из опыта не следует. Точно также приписывание универсальности эмпирическим суждениям означает завышение значимости суждений до степени знания всех случаев, хотя они нам из-за неполноты индукции неизвестны. Всеобщность и необходимость теоретического мира, заключает Кант, имеет самостоятельный источник. Однако это признание недостаточности эмпирического материала для получения теоретического знания не означает возвращения к натиvizму, потому что согласно последнему врожденные идеи мыслились как имеющие определенное содержание, в то время как Кант считал, что содержание нашего знания мы получаем из опыта. «Но хотя всякое наше познание начинается с опыта, отсюда вовсе не следует, что оно целиком происходит из опыта. Вполне возможно, что даже наше опытное знание складывается из того, что мы воспринимаем посредством впечатлений, и из того, что наша собственная познавательная способность (только побуждаемая чувственными впечатлениями) дает от себя самой...» (3, 105). А именно она определяет, с точки зрения Канта, всеобщую и необходимую форму знания, имеющую, следовательно, свой особый самостоятельный источник, который для эпистемологических нужд достаточно обозначить как априорный или доопытный. Суть априорных положений в отличие от апостериорных (опытных) утверждений заключается в том, что они лишь выявляются в эмпирическом опыте, тогда как последний не в состоянии доказать их.

В этом пункте явственно обнаруживается концептуальный разрыв между докритической и критической философией. В самом деле, сколь бы различны по целям и направленности ни были индуктивистская и дедуктивистская программы обоснования знания, они имели ту более глубокую общность, что были ориентированы на раскрытие внутренних каналов трансформации знания. Они одинаково предполагали, что субъектом познания является некое абстрактное сознание, которое из первоначальных элементов (врожденных или заданных эмпирически) должно воспроизвести, развернуть подную картину того, что может быть познано. Кант же переносит внимание с вопроса о происхождении знания на вопрос о его структурном составе. Его интересует не связь между элементами знания сама по себе, а то, что делает возможным само это отношение между ними в его всеобщности и необходимости. Кантовская философия тем самым — это исследование условий познавательной деятельности. Поэтому его а priori, как отмечал Н. Кемп Смит, и не эмпирично в смысле индукции, и не логической природы в смысле дедукции, а имеет собственное функциональное назначение: оно является трансцендентальным основанием познания в критической философии¹.

Изучение трансцендентального основания знания должно, по мысли Канта, привести к такому радикальному изменению познавательной установки, что философ обращается к имени Коперника. Значение открытия польского астронома состояло не только в том, что его теория верно объяснила: Земля и другие планеты Солнечной системы вращаются вокруг центрального светила, но и в том, что отправной пункт рассуждений Коперника противоречил очевидности, наглядному, фиксируемому наблюдением положению вещей, когда «на самом деле» все происходит наоборот. Точно также традиционное убеждение, будто интеллект пассивно созерцает действительность, разделяет, согласно Канту, судьбу птолемеевской идеи о неподвижности Земли. Априоризм означает, что не познание соотнобразится с предметами, а наоборот, предметы соотнобразятся с познанием: «хотя представление само по себе не создает своего предмета *в смысле* [его] *существования*..., тем не менее оно а priori определяет предмет, если только с его помощью можно *познать* нечто как *предмет*» (3, 187).

В качестве априорных форм чувственности выступают пространство и время, категории и основоположения являются априорными формами рассудка, идеи составляют инструментарий чистого разума. Наиболее важным аспектом этой классификации для современной методологии науки стала развитая Кантом концепция априорных форм рассудка, теория категориального синтеза.

Рациональный смысл априоризма состоит в открытии того обстоятельства, что на каждом этапе познавательного процесса

в качестве его обязательного компонента присутствует определенный категориальный строй мышления, который выступает в роли независимого элемента относительно конкретных познавательных ситуаций. В выявлении скрытых предпосылок познавательного процесса — новизна кантовского априоризма. Поэтому формирование теоретического мира мыслится Кантом не как индуктивное обобщение и не как логическая дедукция, а как конструктивный процесс, в котором данные восприятия трансформируются в компоненты знания посредством наложения на них категориальной сетки.

Конструктивная способность человеческого мышления имеет, с точки зрения критической философии, свои пределы, так как она не может породить предмет, данный в созерцании и определенный извне. Поэтому категории как формальные условия познания сами по себе не в состоянии обеспечить никакого знания: «...Если бы понятию вовсе не могло быть дано соответствующее созерцание, то оно было бы мыслью по форме, но без всякого предмета и посредством него не было бы возможно никакое знание о какой бы то ни было вещи» (3, 201). Таким образом, Кант считал, говоря современным языком, что теоретические объекты должны иметь эмпирическую интерпретацию, позволяющую связать введение теоретических конструкций с эмпирическим материалом, подвергнуть их опытной проверке.

Помимо данного очень важного методологического требования, Кант настаивает на метатеоретическом обосновании знания, поскольку категориальная структура выступает как обязательное условие формирования специфической предметной реальности науки. Самим Кантом один из исторических вариантов этой категориальной структуры был принят в качестве единственно возможного ее вида, замкнутого и не подверженного никаким изменениям. «...Мы будем называть априорными знания, — писал он, — *безусловно* независимые от всякого опыта, а не независимые от того или иного опыта» (3, 106). Эта форма априоризма была, несомненно, коррелирована с реальной ситуацией в современной Канту науке, поскольку ни в одной области знания к тому времени не было создано теории, которая могла бы конкурировать с объяснением и предсказанием в теоретической механике Ньютона. Естественно, что последняя стала рассматриваться как гносеологический идеал познания вообще, а императивность категориального строя мышления была истолкована в качестве абсолютной и неизменной.

Однако, хотя у Канта присутствует абсолютизация построения теоретического мира в классической механике, он не рассматривал конкретные законы естествознания в качестве априорных основоположений. Кант специально подчеркивал, что «мы должны отличать эмпирические законы природы, всегда предполагающие особые восприятия, от чистых или всеобщих законов природы, которые, не основываясь на особых восприя-

тиях, содержат лишь условия их необходимого соединения в опыте» (4 (1), 140). В качестве такого априорного основоположения Кант, например, рассматривает принцип постоянства субстанции, который будучи законом естествознания тем не менее необходим для построения теоретического мира науки. Можно сказать, что Кант в учении об априорных основоположениях рассудка выделил особый уровень методологических принципов, имеющих эвристическое значение для формирования теории, как раз в силу недостаточности эмпиристического обоснования ее объектов.

В настоящее время известен целый ряд эвристических мета-теоретических принципов, а именно: принцип наблюдаемости, принцип простоты, принцип соответствия и др. Могут ли они рассматриваться как кандидаты в априорные истины? Правильный ответ на данный вопрос можно получить, если исследовать научное знание в его динамике, как эволюционирующую структуру. Уже в эпоху Канта имелся достаточный историко-научный материал, позволяющий определить природу методологических принципов. Одним из важнейших вопросов развития науки того времени, вопросом принципиального мировоззренческого значения был вопрос о строении и функционировании Солнечной системы. Согласно птолемеевской модели небесные тела движутся по круговым орбитам вокруг Земли, и даже революционное преобразование Коперника не могло поколебать традиционное убеждение, что вращение планет может осуществляться только по кругу. Гармония, простота круговых орбит принималась как имманентное свойство мира. Мысль о том, что планеты могут двигаться иным образом, представлялась неприемлемой именно потому, что она противоречила некой априорно ясной простоте мира. Даже Коперник писал, что при таком допущении «разум содрогается» и «было бы недостойно предполагать такую вещь в Творении, осуществленном наилучшим из возможных образом»². В самом деле, развитая Кеплером «еретическая» идея об эллиптических орбитах приводила к заключению, что планеты движутся неравномерно, а это противоречило идее простоты мироздания. Однако Кеплер также руководствовался эвристическим принципом простоты, но вместо понимания гармоничности как свойства круга выдвигал идею внутреннего совершенства как объединения разнородных движений одним законом.

Эволюция знания, в частности, открытия Кеплера, показывает, что методологические принципы не являются априорными основоположениями, а имеют конкретно-историческое содержание. Их своеобразие заключается в том, что они не поддаются непосредственной корректировке эмпирическим опытом, так как детерминируются сложившейся системой знания в целом и «происходят из общественно-исторического опыта мышления»³.

Кантовский априоризм предполагал, что свойства объектов теоретического мира жестко заданы, а процедура их обоснования означает соотнесение с набором неизменных правил. Отсутствие такой априорной структуры с заданными, неизменными свойствами в значительной степени релятивизирует современную картину развития науки⁴. В ней наличествуют конкурирующие теории, т. е. характерно существование не одного теоретического мира, постулированного кантовской гносеологией, а различных возможных миров. Оценка и принятие соответствующего теоретического мира основывается поэтому не на сравнении его с предпосылками познания вообще, а на сопоставлении его с другими теоретическими мирами, задаваемыми конкурирующими теориями, выживает из которых лишь тот, что максимально соответствует общественной практике.

¹ Smith N. K. A Commentary to Kant's Critique of Pure Reason. N.-Y., 1962, p. XXXVI.

² Цит. по: Холтон Дж. Тематический анализ науки. М., 1981, с. 60.

³ Мамардашвили М. К. Формы и содержание мышления. М., 1968, с. 21.

⁴ Швырев В. С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М., 1978, с. 79.

Л. А. КАЛИННИКОВ

ТЕОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ В «КРИТИЧЕСКОЙ» ФИЛОСОФИИ

Обращаясь к анализу и изложению тех идей, которые внес Иммануил Кант в теорию революции, необходимо отметить факт их неоднозначности, явившийся причиной разногласий в их оценке, иногда доходящий до прямых противоположностей, исключающих друг друга. Однако чаще всего исследователи этого вопроса фиксируют противоречивость позиции самого Канта¹, не углубляясь во все многообразие причин и существенный для всей Кантовой философской системы смысл данной противоречивости.

Называя Канта выразителем идей немецкого бюргерства², К. Маркс и Ф. Энгельс точно определили социальные истоки этой противоречивости. Но вместе с тем, именно потому, что применительно к Германии XVIII столетия «нельзя говорить ни о сословиях, ни о классах, а в крайнем случае лишь о бывших сословиях и неродившихся классах»³, к И. Канту можно отнести энгельсовское замечание о просветителях, согласно которому последние были кем угодно, но только не буржуазно ограниченными: социальные противоречия, выразителем которых был Кант, нельзя свести только к собственно бюргерским бур-